

Отказать мистериу Совершенство

Автор:

[Шэрон Кендрик](#)

Отказать мистериу Совершенство

Шэрон Кендрик

Любовный роман – Harlequin #644

Шейх Саладин аль-Мектала привык к беспрекословному повиновению. Ему трудно поверить, что женщина – лучшая в мире «заклинательница лошадей» – несмотря на щедрое вознаграждение, отказывается лечить его любимого жеребца. Шейх принимает вызов и готов любой ценой добиться цели. Накануне Рождества, в фамильном особняке, в занесенной снегом английской провинции Оливия Миллер готовится к приему гостей. Появление надменного, смуглого красавца на пороге дома застает ее врасплох. Шейх, которому она осмелилась отказать, явился к ней лично и полон решимости увезти в свое королевство. Кто выйдет победителем из противоборства характеров?

Шэрон Кендрик

Отказать мистериу Совершенство

Sharon Kendrick

THE SHEIKH'S CHRISTMAS CONQUEST

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Sheikh's Christmas Conquest

© 2015 by Sharon Kendrick

«Отказать мистеру Совершенство»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Дверной колокольчик зазвонил в тот момент, когда Ливви, стоя на стремянке, готовилась вешать гирлянду из омелы, перевитую красной как кровь лентой. Начавшаяся метель заглушила звуки, погрузила мир в тишину, поэтому резкий звонок заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Она не ждала никого до

самого вечера Рождества.

«Кто бы ты ни был – уходи», – мысленно приказала Ливви. Колокольчик продолжал настойчиво трезвонить, словно кто-то прижал кнопку пальцем и не собирался отпустить.

Ливви надеялась, что непрошенный посетитель не задержится, потому что до приезда гостей у нее непечатый край дел, а помощница Стелла не сможет добраться сюда в метель. Впрочем, если хочешь добиться успеха в бизнесе, нельзя вести себя как примадонна, даже если до Рождества остается четыре дня, а желающих забронировать номер все еще нет. Ливви спустилась с лестницы в состоянии крайнего раздражения, которое мгновенно улетучилось, как только она открыла дверь.

Она не была подготовлена к визиту стоящего на пороге человека. Потребовалось несколько секунд, чтобы узнать мужчину, имеющего известную репутацию в мире конных скачек, к которому она сама когда-то принадлежала. Забыть такую внешность невозможно: черные пронзительные глаза, оливковая кожа, худощавое лицо, орлиный нос. Сильное, тренированное тело говорило о постоянных физических тренировках и дисциплине. Мимо такого не пройдешь не оглянувшись.

Однако не внешность, не явная мужская харизма заставили Ливви изумленно раскрыть глаза, а высокий социальный статус человека, разглядывающего ее без тени улыбки. На пороге стоял не кто иной, как Саладин аль-Мектала – настоящий арабский шейх, король Джазратана – государства в сердце пустыни.

Ливви подумала, что наверняка существует протокол, по которому принято встречать одного из богатейших людей мира, к тому же персону королевских кровей. Раньше ее смутила бы подобная ситуация, но за последние годы Ливви многому научилась, повзрослела и стала сильной. Она гордилась тем, что ни от кого не зависела, даже если в последнее время ее независимость висела на волоске.

– Вам кто-нибудь говорил, что воспитанный человек после первого звонка ждет, чтобы ему открыли дверь, а не трезвонит без остановки? – спросила она, склонив голову набок.

Саладин поднял брови, не скрывая удивления от резкой отповеди. С таким приветствием он не сталкивался даже здесь, в Англии, где протокол соблюдался не так строго, как в его стране. Он привык, что одно только его королевское присутствие вызывало почтение, и хотя жаловался советникам на подбострастие окружающих, но неизменно ожидал этого.

Прищурив глаза, Саладин изучающее смотрел на Ливви.

– Ты знаешь, кто я?

Она засмеялась, и копна густых волос, схваченных на голове резинкой, покачнулась из стороны в сторону, как хвост рыжей кобылы.

– Такой вопрос второстепенные актеры обычно задают охране, когда пытаются пройти в закрытый модный клуб.

Саладина охватило раздражение, смешанное с другим, непонятным чувством. Его предупреждали, что у нее плохой характер – язвительный и упрямый. Эти качества, как правило, предпочитали не демонстрировать при нем, учитывая его репутацию и социальный статус. Еще стоило принять во внимание, что рядом с ним все без исключения женщины начинали таять, как мороженое в пустыне. Саладин уже приготовился резким замечанием поставить ее на место, но сдержался: ему необходимо получить от Ливви Миллер нечто очень важное. Ценой больших усилий он взял себя в руки и перешел на миролюбивый тон.

– Это искренний вопрос. Я – Саладин аль-Мектала.

– Знаю.

– Мои люди пытались связаться с тобой, причем неоднократно.

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз.

– Мне это тоже известно. Они бомбардировали меня имейлами и обрывали телефон всю последнюю неделю. Стоило включить компьютер, как в почту сыпались сообщения из дворца Джазратана.

- Но ты предпочитала игнорировать их?

- Разве я не имею на это права? - Она облокотилась на косяк двери, прикрыв необыкновенные янтарные глаза пологом густых ресниц. - У меня один ответ: предложение меня не интересует. Если люди не готовы принять отказ, это их проблема. Мое решение не изменилось.

Саладин уже с трудом сдерживал раздражение.

- Ты даже не узнала, чего именно хотят от тебя.

- Что-то связанное с лошадьми. Этого достаточно. - Ливви выпрямилась во весь рост, но Саладин все равно возвышался над ней. Он прикинул, что мог бы поднять ее одной рукой. Когда ему сказали, что она может смирить и успокоить самого строптивого коня, он представить не мог, что она такая... миниатюрная.

- Я больше не работаю с лошадьми, - мрачно закончила она.

Переведя взгляд с тоненькой фигурки на глаза цвета меда, Саладин коротко спросил:

- Почему же?

Ливви насмешливо фыркнула, на лице промелькнула и сразу исчезла тень сожаления.

- Это никого не касается, - заявила она, упрямо подняв подбородок. - Я не обязана давать отчет, особенно людям, которые без предупреждения возникают у меня на пороге в самую горячую пору.

Саладин почувствовал первую волну азарта. Ему брошен вызов. Он не привык к сопротивлению. В его мире он получал все, чего хотел. Щелчка пальцев и холодного взгляда хватало, чтобы ему предоставили желаемое. Саладин впервые столкнулся с отказом, тем более от женщины, а ведь представительницы прекрасного пола мечтали подчиниться его воле, а не идти против. Желание добиться цели только возросло. Более того, он вдруг почувствовал горячий прилив сексуального возбуждения и удивился: по слухам,

Оливия Миллер творила чудеса с лошадьми, но ее внешность не отличалась гламуром.

Саладин скривил губы, решив, что она относилась к типу девиц, больше похожих на мальчиков, чего он никак не одобрял. Женщина должна оставаться женщиной, не так ли? Каштановые волосы Ливви отсвечивали рыжиной. Такой достаточно редкий оттенок принято называть тициановым в честь великого итальянского художника. Однако Ливви предпочла убрать локоны в хвостик. На веснушчатом лице не заметно ни следа косметики. Даже ее джинсы не выполняли единственную достойную задачу – они мешковато сидели на ней вместо того, чтобы облегать ягодицы как вторая кожа. Наблюдения никак не объясняли неожиданного прилива вожделения. Как можно считать привлекательным создание, всеми силами скрывающее женскую сексуальность?

Саладин нахмурился:

– Ты понимаешь, что твое поведение граничит с оскорблением? Вряд ли прилично говорить с королем Джазратана в таком тоне.

Ливви снова вскинула подбородок. Вероятно, она не понимала, поднимая к нему лицо, что напрашивалась на поцелуй.

– У меня и в мыслях не было намерения оскорбить, – сказала она, хотя выражение глаз предполагало обратное. – Просто констатировала факты. Никого не касается, как я распоряжаюсь своей жизнью, и тем более не обязана отчитываться вам. Я не подданная вашего королевства.

– По крайней мере, могла бы снизойти до того, чтобы выслушать, – едко заметил Саладин. – Или понятие гостеприимства тебе незнакомо? Я проделал долгий путь в эту чудовищную погоду, чтобы встретиться с тобой.

Ливви оглянулась на гирлянду омелы на полу и подумала о множестве других вещей, которые должна успеть сделать до гостей. Она собиралась испечь пирог, чтобы наполнить дом уютным запахом свежей выпечки, поскорее разжечь камин в спальнях. Список неотложных дел был длинным в ее руку, а этот красивый и немного устрашающий незнакомец отнимал драгоценное время.

– Для визита нужно выбирать более удобное время, чем канун Рождества.

– Не знаю, о каком удобном времени идет речь, но тебя невозможно застать на месте, – не согласился Саладин.

– Большинство людей уже бы поняли намек и перестали утруждать себя.

– Я – король и не играю в намеки, – холодно парировал он.

Ливви колебалась. Его поведение полностью подтверждало то, что говорили о нем. В конных кругах он славился высокомерным нравом. У Ливви было сильное желание послать его подальше. Однако она должна подумать о своем бизнесе. Если продолжать сердить Саладина аль-Мектала, он может обронить несколько нелестных слов среди местной публики. Ему ничего не стоит подлить яду в ее пошатнувшуюся репутацию. Недоброжелательная пресса грозит смертельным ударом, если вы работаете в гостиничном бизнесе.

За спиной Саладина стеной валил снег: метель не прекращалась с самого утра. Толстые снежинки, как в замедленном кино, пролетали мимо бесконечной чередой. Пушистый белый ковер укрыл лужайки. Если так будет продолжаться, дороги станут непроходимыми, и тогда не удастся избавиться от посетителя. А ей совершенно необходимо, чтобы он ушел. Возвышаясь в дверях, он просто-таки излучал тестостерон, заставляя ее думать о вещах, которые она постаралась оставить в прошлом. Ливви не нравилась собственная реакция на незнакомца.

Поодаль за воротами стоял черный внедорожник. Она представила, что кто-то ждет его там, дрожа от холода.

– Где же ваши телохранители? Сидят в машине? – Ливви окинула глазами сад. – Прячутся за кустами? Готовы прыгнуть с дерева?

– Я приехал без охраны.

Значит, они здесь одни.

Беспокойство Ливви усилилось. Внушительная фигура мужчины, его мрачное лицо вызвали странное возбуждение и тревожные предчувствия. Впервые она пожалела, что у нее нет собаки, которая бы лаяла на незнакомца. Какой толк от

капризной, избалованной кошки по кличке Пеппа, пушистым комочком свернувшейся у камина в гостиной?

Однако Ливви не позволит запугать себя. А если так, ничто не мешает поговорить с ним. Может, она сумеет объяснить, что ее решение окончательное и бесповоротное. Если раз за разом повторять отказ, он поверит и оставит ее в покое.

– Заходите, пожалуйста, – пригласила она, вздрогнув от ледяного порыва ветра, швырнувшего за порог пригоршню снега. – Могу уделить вам полчаса, но не больше. На Рождество я жду гостей, и много еще надо сделать.

Ливви заметила легкое выражение триумфа на его лице, когда он вступил внутрь. Она закрыла дверь, и просторная прихожая сразу как будто сжалась. Ливви вынуждена была признать, что Саладин просто-таки олицетворяет мужественность, привлекая и одновременно пугая ее. Ливви сделала глубокий вздох, чтобы унять частый стук сердца. Она представила, что перед ней просто очередной гость: включила дежурную улыбку и профессиональное гостеприимство.

– Прошу вас пройти в гостиную, – вежливо сказала она. – У камина вам будет тепло.

Он кивнул, обведя глазами комнату с высоким потолком и резной деревянной лестницей на второй этаж.

– Какой красивый старинный дом, – заметил он с явным одобрением.

– Спасибо, – улыбнулась она, автоматически переходя на роль гида. – Сохранилась часть постройки двенадцатого века. Теперь так уже не строят, что к лучшему, принимая во внимание, сколько стоит содержание и ремонт.

Собственно говоря, именно древняя история привлекала туристов, готовых приехать в такую глушь, чтобы снять здесь комнату: элегантные старые особняки обладали определенным очарованием и магнетизмом. Дела шли неплохо, пока поблизости не появилось несколько отелей, составивших Ливви заметную конкуренцию.

Тем не менее Ливви не могла скрыть удовольствия, пригласив шейха в просторную гостиную немного обветшалого семейного дома.

В большом камине горели яблоневые ветки, распространяя душистый аромат. Рождественская елка, почти касавшаяся балок высокого потолка, стояла голая. Ливви еще предстояло залезть на пыльный чердак, достать коробку с украшениями, хранившимися в семье с незапамятных времен, и нарядить красавицу. Тогда пышные ветки засияют огоньками, а на верхушке будет красоваться ангел, которого Ливви в детстве смастерила вместе с мамой. И снова произойдет немного грустное рождественское чудо соединения прошлого и настоящего.

Ливви подняла голову и увидела, что Саладин аль-Мектала пристально изучает ее. Она снова почувствовала необъяснимое беспокойство, мигмом вытеснившее из головы ностальгические воспоминания. Она, в свою очередь, пригляделась к нему.

Он не был одет как шейх: ни развевающихся длинных одежд, ни традиционного головного убора короля пустыни. Саладин, не дожидаясь приглашения, как раз снимал темное кашемировое пальто, надетое поверх черных брюк и серого свитера, свободно облежавшего мускулистый торс. Ливви отметила его современный облик в сочетании с тревожной диковатой аурой от холодных, темных, с острым блеском глаз. Он повесил пальто на спинку стула и подошел ближе к камину. На блестящих черных волосах сверкали капли тающего снега.

– Ну, что же, – сказала она. – Вероятно, вам действительно очень сильно чего-то хочется, если вы лично явились за этим в глушь Дербишира.

– Угадала, – промурлыкал Саладин. – Я хочу тебя.

Игривая интонация неожиданно пробудила в Ливви эмоции, которых она не ощущала с незапамятных времен. На долю секунды она представила, каково это быть объектом сексуального желания такого мужчины, как Саладин аль-Мектала. Смягчится ли взгляд пронзительных глаз перед тем, как он поцелует? Чувствует ли женщина себя слабой и беспомощной в объятиях его сильных рук?

Ливви удивилась столь неожиданному повороту мысли, поскольку никогда не испытывала вожделения к незнакомым мужчинам. По правде говоря, она вообще

никогда не испытывала вожделения. Единственным оправданием служил сам провокационный тон Саладина, рассчитанный, вероятно, на то, чтобы шокировать ее.

- Хотелось бы знать конкретнее, что вам надо от меня?

Выражение его лица сразу изменилось, словно узкое, хищное лицо накрыла тень.

- У меня беда, - сдержанно произнес он. - Жеребец - мой любимец - получил травму.

Его очевидное горе тронуло Ливви. Иначе и быть не могло. Но разве у нее недостаточно своих проблем?

- Мне очень жаль, - сказала она. - Но будучи королем и очень богатым человеком, не сомневаюсь, вы наймете лучших ветеринаров. Они найдут эффективный способ вылечить его.

- Они бессильны.

- Неужели? - Ливви сцепила пальцы. - В чем проблема?

- Поддерживающая связка отошла от кости.

- Плохо, - нахмурилась Ливви.

- Сам знаю, - скрипнул зубами Саладин. - Иначе зачем бы я приехал?

Ливви проигнорировала грубость.

- Сейчас разработаны революционные методы лечения, - миролюбиво заметила она, - инъекции стволовых клеток или шоковая волновая терапия. Говорят, действует очень эффективно.

– Думаешь, я уже не перепробовал все средства? Лучшие специалисты мира прилетали, чтобы осмотреть его. Все напрасно. Они не могут помочь. – Его голос опустился до шепота. – В один голос заявили, что надежды нет.

Ливви снова почувствовала сострадание. Она, как никто, понимала, какая тесная связь возникает между человеком и лошадью, особенно если человек занимает высокое положение и часто больше доверяет животному, чем людям. Однако Ливви знала, что в жизни приходится принимать вещи такими, как есть, а не такими, как хотелось бы. При всем желании, природу победить нельзя, и деньги ничего не решают.

Во взгляде Саладина появился стальной блеск, говорящий о решимости не сдаваться. Неужели статус короля влияет на человека, и он начинает верить, что может изменить мир по своему желанию? Ливви вздохнула.

– Мне правда очень жаль, но если вам сказали, что надежды нет, чего вы ждете от меня? Ничем не могу помочь.

– Можешь, Ливви, – твердо сказал он. – Знаешь, что можешь.

Уверенность Саладина поразила ее не меньше, чем неожиданное обращение по имени.

– Нет. – Она покачала головой. – Я уже много лет не имею дела с лошадьми. Эта страница моей жизни закрыта, и если кто-то считает иначе, то глубоко заблуждается.

После паузы он спросил:

– Можно мне сесть?

Насторожившись, Ливви указала на одно из выцветших парчовых кресел у жарко горящего камина. Неожиданная смена тактики застала ее врасплох. Но если честно, ей невероятно польстило желание шейха продлить визит и просьба позволить ему присесть. На мгновение она подумала, не даст ли он разрешение упомянуть его визит на сайте ее гостевого дома. «Шейх Джазратана любит отдыхать перед старинным камином». Встретив его ледяной взгляд, она

отказалась от этой мысли.

– Если вам угодно. – Она зажгла лампу, разгоняя вечерний сумрак. Ее пульс предательски зачастил, когда Саладин опустил гибкое мускулистое тело в кресло и вытянул бесконечно длинные ноги к огню. Он напоминал пантеру в редкий момент покоя, когда из дикой чащи она забрела в укрытие, не давая забыть, что в мягких подушечках лап спрятаны смертельные когти. Не по этой ли причине ее кошка вдруг открыла глаза, вскочила, зашипела на Саладина и вышла из комнаты, подняв трубой хвост. Слишком поздно Ливви пожалела, что не отправила его в обратный путь до того, как сгустились сумерки.

– Так что же? – Она кинула взгляд на часы. – Я предупредила, что у меня много дел. Может, не будем тянуть, перейдем сразу в галоп?

– Образно сказано, – сухо заметил Саладин. – Ты нарочно? В любом случае жеребец вряд ли будет когда-нибудь скакать. А ведь он выигрывал почти все призовые скачки. Мой ветеринар сказал, что боли очень сильные: жестоко заставлять коня мучиться дальше... – Его голос прервался.

– И что?

Саладин откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза, сверкнувшие на мгновение в сполохах огня в камине.

– Ливви, у тебя дар исцелять лошадей. Редкий дар. Ты можешь вылечить коня.

– Кто это сказал?

– Тренер. Он рассказал мне о женщине, которая лучше всех на свете понимала лошадей. Легкая, как перышко, но при этом выносливая, как вол, она могла успокоить самого свирепого коня. Она творила чудеса, не поддающиеся логике и поражавшие ветеринаров. – Голос Саладина стал глуше. Он не спускал с нее глаз. – Ее называли заклинательницей лошадей.

Ливви давно не слышала прозвища, когда-то преследовавшего ее. В мире скачек ее считали чуть ли не ведьмой. Такая репутация не льстила. Ливви хотела, чтобы ее оставили в покое и позволили жить своей жизнью.

Она наклонилась за очередным поленом, пряча от Саладина лицо, а когда выпрямилась, уже достаточно владела собой и спокойно встретила испытующий взгляд.

– Оставим суеверия невеждам, готовым верить всяким небылицам, – твердо сказала Ливви. – Мне просто везло. По теории вероятностей, лошади, которых я вылечила, поправились бы и без моего участия.

– Мне известны случаи, когда природа опровергала теорию вероятностей, – мягко возразил Саладин. – Разве один из ваших великих поэтов не утверждал то же самое?

– Не читаю стихов, – отмахнулась Ливви.

– Может, стоило бы.

– А еще не принимаю советов от посторонних, – криво усмехнулась она.

Глаза Саладина блеснули.

– Если согласишься работать на меня, мы не будем посторонними.

Резким движением Ливви подбросила полено в огонь, взметнув целый сноп искр. Он нарочно сменил тактику и решил очаровать ее. Его репутация была хорошо известна Ливви, но и без этого одного взгляда хватало, чтобы понять: ни одна женщина не устоит против искушения подчиниться ему, точно так же, как самая строптивая лошадь не удержится от соблазна взять с ладони кусочек сахара.

– Послушайте, – постаралась смягчить резкость Ливви, полагая, что таким образом сумеет убедить привыкшего к женской покорности шейха. – Мне жаль, что не могу помочь вам. У меня нет волшебной палочки, чтобы вылечить лошадь. Не скрою, мне польстило то, что вы вспомнили обо мне, но ваше предложение меня не интересует.

Саладин был близок к отчаянию. Ливви вовсе не выглядела польщенной. Как подступиться к ней? Разве она не понимает, что получит за работу крупное вознаграждение, не говоря уж о публичном признании, как человек,

удостоившийся чести работать на королевский дом аль-Мектала?

Он провел тщательное расследование. Саладин знал, что унаследованный от родителей старинный особняк, превращенный Ливви в частный пансион, упоминался во всех туристических справочниках как историческая достопримечательность. Однако дом заметно обветшал – это видно невооруженным глазом. Содержание памятника архитектуры требовало огромных денег. Очевидно, что у Ливви нет таких средств. Пружина обитого парчой кресла, на котором он сидел, впивалась в ягодицы, а штукатурка на стене у камина дала трещину. Неужели не понятно, что он дает ей шанс заработать достаточно, чтобы полностью отремонтировать особняк?

О чем думает эта женщина с мальчишеской фигурой и веснушчатым лицом? Она повернулась спиной к миру скачек, когда-то составлявшего смысл ее жизни, спряталась в дикой глуши, чтобы стоять у плиты и готовить завтрак редким постояльцам. Какую судьбу выбрала она в свои почти тридцать лет? В его стране к двадцати пяти годам женщина уже имеет как минимум двоих детей, потому что по традиции девушки рано выходят замуж. Он вспомнил Алию, крушение всех надежд, и его охватило горькое чувство вины. Сердце пронзила острая боль. Саладин с усилием отогнал мрачные мысли и взглянул в упрямое лицо Оливии Миллер.

– Может, у тебя нет волшебной палочки, но я прошу тебя попробовать. Как говорится, кто не рискует, тот не выигрывает. Кроме того, тебе и не снилось вознаграждение, которое я готов предложить. – Он изогнул губы в короткой улыбке. – Дареному коню в зубы не смотрят, не так ли?

Ливви никак не отреагировала на попытку юмора. Она продолжала глядеть на него янтарными глазами, но только теперь во взгляде читалось явное раздражение. Саладин вновь почувствовал прилив вожделения, потому что женщины никогда не осмеливались так смотреть, а непокорность Ливви, как ни странно, возбуждала его. Прежде он никогда не знал отказа.

– Сколько мне повторять «нет», чтобы вы поверили мне?

– Сколько времени потребуется, чтобы ты поняла: я упрям и все равно получу то, что хочу?

– Будьте уверены, я не изменю решения.

Саладин решился прибегнуть к аргументу, который приберег для крайнего случая, который, по его мнению, как раз наступил. Он откинулся назад, не сводя взгляда с ее лица.

– Вот, значит, как ты решила провести остаток своих дней, Ливви? – тихо спросил он. – Спрятавшись в глуши, пренебрегая данным от бога талантом, только потому, что какой-то негодяй бросил тебя перед алтарем?

Глава 2

Сначала Ливви никак не отреагировала на жестокое замечание Саладина: она умела держать удар. Первое, чему она научилась после того, как жених не удосужился явиться на церемонию венчания, – это скрывать чувства. Внешне Ливви оставалась невозмутимой. Тем не менее слова шейха причинили боль. Обида все еще жила в сердце, хотя за прошедшие годы никто не осмелился напомнить ей о пережитом чудовищном унижении. Ливви хорошо помнила, как стояла у алтаря в белом платье с улыбкой радостного ожидания, которая блекла по мере того, как тянулось время. Присутствующие тревожно перешептывались, и наконец в церкви установилась зловещая тишина, когда стало ясно, что жених не появится.

Она смотрела на хищное лицо шейха, освещенное всполохами огня в камине, и в этот момент ненавидела его. Как он посмел оскорбить ее ради того, чтобы добиться своей цели? Неужели он совершенно равнодушен к людям, не привык щадить их чувства, или это один из способов манипуляции? Понимает ли он, что публичное унижение нанесло самолюбию удар, от которого она долго не могла оправиться? Может, не оправилась до сих пор. Во всяком случае, потрясение было настолько сильным, что она решила порвать с прежней жизнью, бросить обожаемых лошадей и с тех пор с подозрением относится ко всем знакам внимания со стороны мужчин.

Ливви удержалась от порыва броситься к нему, как следует встряхнуть, ударить кулаком по широкой, твердой груди и крикнуть, что он безжалостный монстр. Однако навряд ли гневный выпад произведет впечатление на сурового мужчину.

Возможно, он отнесет такую несдержанность на счет своей маленькой победы.

– Мое несостоявшееся замужество не имеет ничего общего с отказом работать на вас, – заявила она тоном холодной сдержанности, выработанным как раз для подобных случаев. Он не раз выручал ее, когда женщины – хрупкие блондинки – не понимавшие, что Руперт де Врис нашел в такой невзрачной персоне, с плохо скрытым злорадством задавали вопросы: «Он ничего не сказал? Ты правда не знаешь причины?» Ливви действительно не понимала. Кому придет в голову подвергнуть себя публичному осмеянию, если заранее известно, что жених сбежит из-под венца?

Она глянула в сверкающие глаза Саладина.

– Тем не менее заданный вопрос – еще одна черная метка в ваш адрес.

Он свел черные брови.

– О чем ты?

– О том, что вы, очевидно, интересовались моей личной жизнью, что говорит не в вашу пользу. Кому понравится, если за ним шпионят? Как потенциальный работодатель, вы допустили большую ошибку.

– Обычно мне не приходится уговаривать, – поправил он тоном, не уступавшим ей в холодности. – Думаю, тебе понятно, почему я навожу справки о человеке, которого собираюсь нанять.

– Когда до вас дойдет, наконец, что я не собираюсь работать на вас?

Саладин открыл было рот и снова закрыл, внимательно оглядывая комнату. Его взгляд остановился на бархатных шторах, словно он только что обратил внимание, как они выцвели на солнце, а моль проела подкладку.

Неужели он заметил?

– Значит, твой бизнес процветает? – небрежно поинтересовался он.

Намек был совершенно прозрачен, и вдруг Ливви захотелось доказать ему, что он ошибается. «Пора поставить его на место», – подумала она из гордости, хотя на самом деле не обязана ничего доказывать. В этот момент для нее было важно сменить имидж брошенной невесты на имидж успешной предпринимательницы, что, увы, мало соответствовало действительности.

– Именно так. Моя гостиница пользуется популярностью, – сказала она. – Исторические особняки привлекают людей. Многие приезжают по несколько раз. Кстати... – Она посмотрела на часы. – Ваши полчаса почти истекли.

– Вероятно, у вас много работы? – настаивал он.

Ливви заметила насмешку в темных глазах.

– Конечно. Приходится готовить на завтрак восемь разных блюд по заказу, менять постельное белье каждый день. Это не каждому под силу, но меня не испугаешь трудностями. Ничто в жизни не дается даром, – сдержанно усмехнулась она. – Хотя некоторые, подобные вам, не попадают под это правило.

Саладин продолжал невозмутимо смотреть на нее.

– Почему же?

– Ну, ведь вы шейх, не так ли? Один из самых богатых людей в мире. Владаете конюшней призовых лошадей, живете во дворце. Скорее всего, имеете собственный самолет.

– И что?

– И вы пальцем не пошевелили для того, чтобы получить все это богатство, – просто унаследовали его. Получаете на блюдечке все, что пожелаете.

Наступила пауза. Саладин был близок к отчаянию. Подобные обвинения часто адресуют лицам королевской крови, но люди редко осмеливаются высказывать их вслух в присутствии этих персон. Он действительно баснословно богат, но неужели она думает, что он живет в золотой клетке? Сколько раз ему приходилось сражаться за свою страну и свой народ. Разве он защищен от

сердечной боли? Перед глазами снова возникло прекрасное лицо Алии, но он отогнал печальный образ и поглядел в глаза англичанки.

– Не отрицаю, что в материальном плане я вполне обеспечен, – согласился он. – Но поговорим о тебе. Тебя вряд ли можно назвать обездоленной, правда, Ливви? Этот дом не из разряда обычных. Ты, скорее,ходишь в число привилегированных.

Ливви не терпелось избавиться от шейха. В его присутствии она чувствовала себя неловко. Клетчатая рубашка, казалось, стала ей мала: ткань натянулась на торчащей груди. У нее было ощущение, словно сквозь одежду он видит простое, функциональное нижнее белье.

– Это редкий образец георгианской архитектуры, – сообщила она, теребя пуговицу на рубашке. – Повезло, что дом принадлежит мне. Несколько поколений моей семьи жили здесь.

– Содержание должно обходиться в огромную сумму, – предположил он.

– В астрономическую, – призналась Ливви. – Поэтому я открыла его для постояльцев, готовых платить.

Саладин посмотрел на потолок. Разглядел ли он уродливое сырое пятно на потолке, или в полутемной комнате оно незаметно? Его взгляд снова упал на нее, будто обжигая лицо.

– Как идут дела, Ливви, – в целом?

Она изобразила улыбку:

– Отлично.

– Гости не возражают, что краска облезла, а штукатурка осыпается?

– Не думаю. Люди приезжают ради истории, а не за свежей краской – многие гостиницы требуют ремонта.

– Ты ведь понимаешь, что я готов заплатить тебе большие деньги, – помолчав, продолжал Саладин. – Достаточные, чтобы оплатить полный ремонт дома. Я прибавлю бонус, чтобы ты могла выбраться отдохнуть – тебе это не повредит.

Ливви насторожилась. Неужели он намекает, что у нее усталый вид? Непроизвольно она убрала за ухо выбившуюся прядь. Надо заметить, справедливости ради, что она не отдыхала целую вечность. Ее банковский долг тоже продолжал расти, несмотря на число гостей, которых она обслуживала. Чем закончится борьба за выживание? Неужели она сдастся?

Ливви нервничала под гипнотическим взглядом сверкающих черных глаз Саладина. Она была лишена тщеславия, но, безусловно, оделась бы тщательнее, если бы ожидала визита шейха пустынного государства. У нее вдруг вспыхнули щеки и странно покалывала грудь в рубашке, словно севшей после стирки.

– Это ваш ответ на любой вопрос? – спросила она. – Выписать чек и забыть о проблеме?

Он пожал плечами:

– Почему нет, если у меня есть такая возможность? Деньги говорят убедительнее слов.

– Вы – циник.

– Не отрицаю, – усмехнулся Саладин. – Или ты слишком наивна? Деньги – единственное, чему можно доверять, Ливви. Они могут купить практически все. Поэтому не упускай возможности и отправляйся со мной в Джазратан. Мои конюшни – лучшие в мире. Тебе будет интересно посмотреть.

Он улыбнулся, но улыбка показалась Ливви расчетливой, будто он хотел придать больше легкости разговору, который явно не получался.

– Займись лечением моей лошади, и я дам тебе все, что захочешь, в разумных пределах, – продолжал он. – А если вылечишь Бархана и мне не придется приставить пистолет к его голове, глядя в преданные и удивленные глаза, и наблюдать, как жизнь покидает его, тебе больше никогда не придется

беспокоиться о деньгах.

Трогательные слова о лошади произвели на Ливви гораздо большее впечатление, чем обещанное шейхом финансовое вознаграждение. По правде говоря, ей была неприятна попытка подкупить ее. Шейх уверен, что все имеет свою цену – даже люди, ведь любого можно купить, увеличивая стопку денег на столе. Вероятно, в его мире это правило действовало безотказно.

Несмотря на твердую решимость Ливви не уступать, соблазн был слишком велик. На одну минуту она позволила себе помечтать о том, как использовать деньги. С чего начать? Надо сменить старую электропроводку в спальнях, вместо древнего бойлера установить новый. Она подумала о ледяных коридорах на втором этаже и теплоизоляции крыши. Тепло в первую очередь направлялось в гостевые комнаты, в то время как в ее спальне окно к утру покрывалось изморозью. Ее пробрала дрожь. Зима выдалась на редкость холодной, а впереди еще несколько морозных месяцев. Ливви надоело ложиться спать в шерстяных носках.

– Не могу, – сказала она. – Я жду гостей, которые приезжают через два дня, чтобы провести здесь праздники. Не могу же я аннулировать бронь на Рождество и Новый год, если люди мечтали об этой поездке весь год. Вам придется найти кого-нибудь другого.

Саладин твердо сжал губы: он не собирался сдаваться. Вероятно, она не понимает, что он добьется своей цели любой ценой. Если речь идет о борьбе характеров, победа будет за ним. Вдохновленный ноткой сомнения в ее голосе, он поднялся с кресла и подошел к окну. Почти стемнело, но плотные облака закрыли небо, стерев все краски. Виден был только снег. Деревья в саду походили на призрачные белые фигуры. Землю укутал белый ковер. Его машина превратилась в снежную гору.

Саладин прищурил глаза, наблюдая за игрой снежинок в красноватом отблеске падающего из окна света и обдумывая следующий ход, хотя вариантов оставалось совсем мало. Можно, пока метель не усилилась, завести машину, уехать и вернуться на следующий день, дав ей время понять, как глупо отказываться от щедрого предложения. Или поручить дело своим людям с использованием более жесткой закулисной тактики.

Обернувшись, он посмотрел в ее неулыбчивое лицо и разозлился, что не может найти подход. Логика подсказывала, что лучше уйти, но что-то удерживало его, хотя Ливви уже направилась к двери, предлагая ему следовать за ней. Женщина хотела, чтобы он ушел? Невозможно поверить! Она отвергла его? Такого еще не случилось.

Саладин шел по освещенному лампами коридору достаточно близко, чтобы дотронуться до Ливви. Неожиданно возникла безумная идея поцеловать ее: накрыть губами упрямый рот и посмотреть, сколько у нее хватит сил сопротивляться прежде, чем, задыхаясь от страсти, она согласится выполнить любое его желание. Однако мысли были прерваны драматическим поворотом событий: неожиданно погас свет, и дом погрузился в кромешную темноту. Шагавшая впереди Ливви ахнула и резко шагнула назад, прильнув к нему мягким телом.

Глава 3

Непроизвольно в темном коридоре Саладин обхватил руками Ливви, помогая сохранить равновесие: так он объяснил себе свой поступок. Позже он признавал, что если бы перед ним был мужчина, он быстрее убрал бы руки, а его ладони не сжимали бы так крепко тонкую талию. Но Ливви Миллер была женщиной, а он давно не имел контакта со слабым полом. Годовщина смерти Алии прошла совсем недавно, а Саладин избегал интимных отношений до и после трагической даты, когда его переполняла тоска и горечь утраты. Он не хотел таким образом предавать память жены, хотя механический половой акт не имел ничего общего с искренними чувствами. Секс превратился для него в процедуру, необходимую мужчине для нормального функционирования, как простое утоление голода. С Алией все было иначе: их отношения трогали и тело и душу.

Впрочем, сейчас он согласился бы только на тело.

Саладин замер от первого сладкого контакта, при котором гормоны взрываются независимо от рассудка. Он чувствовал под пальцами отчаянное биение сердца Ливви. Ее кожа пахла душистым мылом. Невинный аромат еще больше возбудил его. Саладин представил, как по волшебству исчезает преграда в виде их одежды, позволяя ему удовлетворить острый приступ вожделения. Быстрое

анонимное совокупление в темном коридоре прекрасно отвечало его желанию. Возможно, это могло иметь дополнительные преимущества, если бы заставило упрямую англичанку согласиться на его предложение. Хороший секс делает женщину покладистой.

На мгновение она обмякла в его руках. Еще секунда, и она будет готова принять его. Но Ливви отшатнулась, скорее даже вырвалась из его рук. В темноте он слышал, как она пытается восстановить дыхание. Он не видел ее лицо, но хорошо представлял выражение паники, отразившейся в голосе.

– Что случилось? – выдохнула она.

Он удивился, что она полностью игнорировала короткий, но эмоциональный миг объятия. Интересно, как бы она отреагировала, если бы Саладин сказал правду: «У меня такая мощная эрекция, что я могу взорваться. Позволь мне войти в тебя и излить семя». В своем воображении он уже знал ее ответ. Ливви кивнет и дрожащими руками бросится сдирать с него одежду, пока он будет раздевать ее. Достаточно только добраться до тела, чтобы его пальцы оказались между ее ног. Он будет целовать ее, пока она не начнет молить о большем. Тогда он прижмет ее к стене – влажную, готовую принять его – и войдет глубоко и быстро. Все произойдет в считанные минуты, но она не будет возражать.

Ливви напрасно щелкала выключателем – ничего не происходило.

– Что случилось? – повторила она с возмущением.

С огромным усилием Саладин отогнал эротические фантазии и сосредоточился на проблеме: они по-прежнему стояли в крошечной темноте. Его губы так пересохли, что он не сразу мог ответить Ливви.

– Очевидно, произошло замыкание.

– Сама вижу, – без всякой логики отрезала она. – Как это случилось?

– Не имею представления, – спокойно заметил он. – Какая разница? Надо действовать. У тебя есть запасной электрогенератор?

- Ты спятил? - в панической растерянности ответила Ливви. - Конечно нет!

- Ладно. Где ты держишь свечи?

Ливви все еще плохо соображала. Саладин мог с таким же успехом предложить ей найти Юпитер на звездном небе. Отключение электричества и отопления грозили полной потерей контроля. Она и без того чуть не растаяла в его объятиях, потому что его прикосновение таило угрозу и возбуждало. Стоило ему дотронуться до нее, и она потеряла голову. Ливви обомлела, когда его твердый член уперся ей в спину, но, как ни странно, не испытала шока. Наоборот, не хотела, чтобы Саладин отпустил ее. Более того, ей хотелось повернуться к нему, чтобы он поцеловал ее - ведь она знала, как он желал этого. А дальше...

- Свечи? - нетерпеливо напомнил он.

Ливви перевела дыхание.

- Они... в кухне. Сейчас принесу.

- Пойду с тобой.

- Думаешь, я заблужусь в собственном доме?

- Здесь темно. Мы должны действовать вместе.

Саладин перехватил ее запястье и подумал, что при других обстоятельствах рядом были бы телохранители и сопровождающие, которые немедленно занялись бы решением проблемы. Однако он предпринял это путешествие в одиночку, полагая, что без свиты у него больше шансов уговорить англичанку. Как правило, люди терялись в атмосфере услужливого почитания шейха, да и сам он при любой возможности старался избежать особых почестей.

Путешествуя в Европе или в США, Саладин иногда менялся ролями со своим советником Зейном. Внешне они были удивительно похожи и давно заметили, что, одетые в пышные одеяния, могли легко сойти один за другого, особенно в полумраке идущего на скорости королевского лимузина.

В Джазратане Саладин время от времени предпринимал одиночные вылазки далеко в глубь пустыни. Иногда он переодевался купцом, смешивался с шумной толпой на рыночной площади в столице королевства – Джанубварди. Ему было интересно слушать, что говорят о нем в народе. Советникам не нравились его похождения, но никто не имел над ним власти. В Англии, которую Саладин хорошо знал, он вообще отказывался соблюдать ритуал. Ему было известно, что опасность поджидает не там, где ждешь, а застаёт врасплох.

Он чувствовал, как бешено колотится пульс Ливви.

– Отпусти меня, – прошептала она.

– Нет, ты никуда не пойдешь, – рявкнул он. – Следуй за мной. Я пойду первым. Будь осторожна.

– Не учи меня осторожности. Разве у тебя нет телефона? Можно использовать его как фонарик, а не спотыкаться в темноте.

– Он в машине, – сказал Саладин. Они добрались до конца коридора, где было чуть светлее, да и глаза уже привыкли к темноте. – А где твой?

– В спальне.

– Очень предусмотрительно, – саркастически заметил он.

– Не ожидала, что застряну в потемках с незнакомцем.

– Избавь меня от мелодрамы, Ливви. Давай постараемся добраться до цели не свернув шею.

Скрипя половицами, они на ощупь передвигались по узкому коридору, потом спустились вниз по короткой лестнице и попали в просторную, без окон кухню, темную, как пещера. Ливви выдернула руку, шагнула в сторону и начала шарить по ящикам. Скоро он услышал короткий, радостный вскрик – она нашла свечи. Саладин оценил расторопность, однако заметил, как дрожали ее пальцы, когда Ливви поднесла спичку к фитильку. Пламя осветило побледневшее лицо.

Ни слова не говоря, он взял у нее коробок и зажег несколько свечей, а Ливви установила их в потертые серебряные подсвечники. Колеблющееся пламя отбрасывало на стены кривые тени. В кухне стало светлее, и Саладин обнаружил признаки активной кулинарной деятельности: на блюде горкой сложено бисквитное печенье, на тарелке сладости, которые англичане всегда готовят на Рождество. Он напряг память, вспоминая название: пирожки с повидлом.

- Что могло случиться? - спросила Ливви.

Саладин пожал плечами:

- Обрыв электролинии? Такое бывает при сильных снегопадах.

- Этого не должно быть! - с ноткой отчаяния воскликнула Ливви. - Мне надо столько успеть до приезда моих гостей.

- Боюсь, придется подождать.

У Ливви сильнее задрожали руки.

- Думаю, тебе лучше уехать до того, как погода ухудшится. - Она старалась говорить непринужденно. - Тебя наверняка ждут. Кто-то же должен беспокоиться, куда ты пропал.

Саладин посмотрел недоверчиво:

- Оставить тебя здесь одну? Без электричества?

Он подошел к старинному радиатору у стены и тронул рукой.

- И без тепла?

- Я прекрасно справлюсь сама, - упрямо заявила Ливви.

- Как хочешь, но я никуда не уеду, - твердо сказал Саладин. - Какой мужчина бросит женщину в такой ситуации?

– Хочешь облегчить совесть?

Он немного помолчал, потом заметил с горечью:

– Да, пожалуй.

Ливви попыталась унять бешеный стук сердца и принять решение. Во-первых, перестать паниковать. Во-вторых, не позволить Саладину взять контроль над ситуацией. Может, в его государстве мужчины берут на себя всю ответственность, а женщины служат лишь для украшения? Тогда ему пора понять, что она прекрасно справляется без посторонней помощи и привыкла обходиться без мужчины: умеет менять пробки и чинить текущий кран. За время своего одиночества она всему научилась, и ей нравится такая жизнь.

Ливви сняла трубку висящего на стене телефона. Тишина.

– Связи нет? – уточнил Саладин.

– Глухо. – Ливви повесила трубку. Вопреки намерениям, она была близка к панике, вспоминая, не забыла ли она зарядить аккумулятор в суете утренних дел, когда покупала елку, вешала гирлянду, пекла пирожки? – Схожу наверх за мобильником.

– Я с тобой.

– Ты что, привык командовать с рождения?

– Думаю, да. Тебе не нравится?

– Нет.

– Твои проблемы, – сказал он, беря свечу.

Они вышли из кухни, и вдруг Саладин почувствовал, что впервые живет по-настоящему. Никто не знает, где его искать, а он застрял в глухой заснеженной английской провинции с рыжей красоткой, которая, он не сомневался, еще до вечера будет принадлежать ему. Забыв печаль и тревожные мысли, Саладин

поднимался из высокой просторной гостиной с арочными потолками на второй этаж по широкой лестнице. Он глубоко вздохнул, когда Ливви толкнула дверь спальни.

- Можешь подождать здесь, - с нажимом сказала она.

- Как ученик перед кабинетом директора? - усмехнулся Саладин. - Нет уж. Не бойся, Ливви, мне все равно, если в комнате беспорядок. Кроме того, я достаточно хорошо воспитан, чтобы удержаться от искушения бросить тебя на кровать, если тебя это беспокоит.

- Ладно, заходи, если хочешь.

Тем не менее Ливви испытала чувство гордости, когда распахнула дверь в спальню. Занавески не были задернуты и комната сияла в мистическом, серебристом свете снежных сумерек. На прикроватном столике стояла ваза с гиацинтами, наполнявшими ароматом морозный воздух. Старинная мебель поблескивала в мерцании свечей. Здесь царили тишина и покой - ее рай и одна из причин, почему она не покидала дом и хранила царившие в нем воспоминания.

Ливви подошла к окну и взяла мобильник, с тоской глядя на темный экран.

- Сдох, - констатировала она. - Отправляла фотографии школьной подруге, а тут привезли елку... Придется тебе принести свой из машины.

- Сам решу, когда и куда идти, - рявкнул Саладин. - Никто не смеет приказывать шейху.

- Я не приглашала тебя, - тихо напомнила Ливви. - Мы здесь вдвоем в очень стрессовой ситуации. Не стоит усугублять ее, напоминая о своем ранге.

Он смерил ее грозным взглядом, готовый дать резкий отпор, но вдруг передумал и кивнул:

- Хорошо. Сейчас вернусь с телефоном.

Саладин быстро вышел из комнаты. Его шаги удалялись вниз по лестнице, потом хлопнула входная дверь. Ливви стало не по себе в наступившей неестественной тишине, которую нарушал только мерный стук старинных дедушкиных часов внизу. Она глядела в окно на нечеткую в сумерках фигуру шейха, пробиравшегося к засыпанной снегом машине. Метель не кончалась. Ливви почувствовала облегчение, увидев, что у Саладина хватило ума накинуть кашемировое пальто, прежде чем выйти из дома.

Смахнув снег, Саладин с трудом открыл дверь автомобиля. Ливви пыталась представить, что произойдет дальше. Может, как в кино, штурмовая группа спецназа Джазратана спустится с небес на вертолете? Она с сомнением посмотрела на низкие тучи и плотную пелену снега: погода явно была нелетной.

Ливви натянула толстый свитер и отправилась вниз. Только успела поставить на плиту чайник, как хлопнула входная дверь и послышались шаги. В дверях кухни возникла высокая фигура Саладина. Увидев его, Ливви с неохотой признала, что испытала радость и еще какое-то настораживающее чувство. Облегчение, что самоуверенный альфа-самец остался в доме, несмотря на ее решительный протест? Или причина кроется глубже, в инстинктивной реакции тела? Эта мысль испугала Ливви.

Она почувствовала, как при взгляде на него под толстым свитером напряглась грудь.

– Ну что?

– Удалось связаться с моими людьми. Дороги непроходимы. Сегодня помощи не будет.

Дрожащей рукой Ливви налила кипяток в заварной чайник. Этой ночью они останутся в доме вдвоем. Почему же вместо панического страха сердце бьется от возбуждения? У нее перехватило горло.

– Хочешь чаю?

– Да, спасибо. Как тебе удалось вскипятить воду? – удивился Саладин.

– Плита работает от газового баллона.

«Разговаривая о бытовых вещах, оба думаем о другом», – решила Ливви, глядя в его блестящие глаза.

– Есть хочешь? Я положила пирожки на тарелку, – заторопилась она, заполняя неловкую паузу. – Можем пойти сесть у огня в гостиной.

– Давай помогу. – Внутренне усмехаясь, Саладин взял из ее рук поднос. Обычно его обслуживали слуги: наполняли ванну, приносили утром прохладные шелковые одежды. На дипломатических приемах папки с подготовленными документами аккуратной стопкой возвышались на столе, золотая ручка всегда лежала слева. Его не касалась повседневная рутина, потому что его жизнь не была обычной. Даже на личную трагедию он не имел права: шейху не пристало проявлять человеческие эмоции независимо от того, что он испытывает в душе. Ему хотелось рыдать над гробом Алии, но он не мог показать людям своего горя.

Твердо сжав губы, Саладин прошел с подносом в гостиную, где на фоне окна темным силуэтом возвышалась голая рождественская елка. Глядя, как Ливви усаживается на шелковистый ковер, он чувствовал, что мрачные мысли покидают его. Под толстым свитером он угадывал тонкую фигурку. Всполохи огня в камине бросали ярко-красные блики на ее тициановые локоны. Он мечтал об одном: увидеть ее обнаженной.

Настойчивая пульсация в паху толкала его к решительным действиям. Саладин не сомневался в успехе.

Глава 4

Прищурив глаза, Саладин промурлыкал:

– Впереди у нас длинный вечер, Ливви. Чем займемся?

Она смерила его недоверчивым взглядом, стараясь понять причину слишком примерного поведения. Было легче, когда, командуя, он невероятно раздражал

ее, чем создавал естественный барьер между ними. Тогда Ливви чувствовала себя в безопасности.

А теперь?

Он казался подозрительно покладистым: пил предложенный чай, ел пирожки с повидлом и нахваливал их. Саладин даже попросил рецепт, чтобы передать поварам во дворце: пусть придворные и гости попробуют английские деликатесы. Потом он принес охапку дров из сарая и уложил в корзину перед камином.

Наблюдая за ним, Ливви ощутила, как под толстым свитером по спине пробежал холодок. Его тело было сухим и мускулистым, а движения полны атлетической грации. Поленья в руках казались легкими, как прутья: он перекладывал их без всяких усилий. Ливви гордилась независимостью и не гнушалась грязной работы, от которой ее замужние школьные подруги воротили нос: выносила мусор и подметала дорожку, приносила дрова, пропалывала сорняки, когда было время. Тем не менее она с удовольствием позволила шейху потрудиться. Облокотившись на мягкую кушетку, Ливви пила чай и смотрела, как Саладин аль-Мектала подбрасывал поленья в огонь. Рядом с ним она, как ни странно, чувствовала себя... женщиной.

- Можно поиграть в игры, - предложила она, подумав.

- Прекрасная мысль, - сверкнул хищным глазом Саладин. - Никогда не откажусь от хорошей игры.

Вряд ли можно назвать Ливви изощренной, но она не была глупой. Долгое время она крутилась в мире скачек среди мужчин с высоким тестостероном, а потом была помолвлена с очень непростым мужчиной. Она научилась распознавать завуалированные приемы соблазнения женщины и знала, что единственный способ контролировать ситуацию - полностью игнорировать намеки. Ливви сделала вид, что не видит сверкающих как раскаленные угли глаз шейха, и укротила его спокойным вопросом:

- Предпочитаешь играть в скрабл или в карты?

- Выбирай сама. Только предупреждаю: я все равно выиграю.

– Бросаешь мне вызов? Думаешь испугать?

– Сама увидишь.

Ливви пришла в ярость, когда его бахвальство оправдалось. Он выиграл все партии, включая скрабл, в котором она была экспертом. Скрывая огорчение, она бросила карандаш на листок с результатами.

– Как тебе удалось обыграть меня в кроссворде, если английский тебе не родной язык? – спросила она.

– Когда я был маленьким, мой учитель-англичанин говорил, что обширный словарный запас доступен любому. Меня, как и всех мужчин рода аль-Мектала, учили побеждать. Я никогда не проигрываю. Ни в чем.

– Значит, всегда только победа?

Саладин взглянул на нее, и сердце Ливви дрогнуло: в темных глазах сверкнуло что-то совсем не похожее на триумф, скорее отголосок глубокой печали. Ей показалось, что складки у рта стали глубже.

– Нет, – тихо сказал он. – Когда-то давно я потерпел страшное поражение.

– Как это случилось?

– Не будем ворошить прошлое. – Голос Саладина стал холодным, отчужденным, и он наклонился, чтобы бросить в огонь полено. Когда он снова повернулся к Ливви, лицо было замкнутым. – Расскажи лучше о себе.

Она пожала плечами:

– Что я могу сказать? Мне двадцать девять, и я открыла пансион в доме, где родилась. Историю личной жизни ты уже знаешь. Есть еще вопросы?

– Есть. – Огонь на мгновение осветил его хищное лицо. – Почему он бросил тебя?

Ливви твердо встретила вопросительный взгляд.

– Ты серьезно решил, что я расскажу?

Саладин поднял темную бровь.

– Почему нет? Мне интересно. Когда метель стихнет, мы расстанемся. Ты никогда не увидишь меня, если не захочешь работать в Джазратане. Чем обычно люди занимаются в подобных обстоятельствах? Делятся секретами.

Размышляя над его словами, Ливви старалась угадать, какой он ее видит: старой девой, спрятавшейся в глубинке, подальше от динамичного, шумного мира, частью которого была когда-то? Если так, то у нее есть возможность показать ему, что ей нравится такая жизнь и она давно забыла о Руперте.

Однако почему все-таки она изгнала мужчин из своей жизни, оставшись единственной двадцатидевятилетней девственницей в мире? Вероятно, настала пора выложить все начистоту и окончательно расстаться с прошлым.

– Ты знаком с Рупертом де Ври? – спросила она.

– Встречал пару раз в прошлые времена. – Саладин скривил рот. – Он мне не нравился.

– Не надо только смягчать для меня пилюлю.

– Никогда не говорю того, что не думаю, Ливви, – усмехнулся Саладин. – Так что же случилось?

Ливви опустила глаза, словно разглядывая симметричный рисунок на ковре. Она представила лицо Руперта, чего не позволяла себе долгое время: его правильные черты, светлую кожу. Он был антиподом шейха. Ливви долго не верила, что такая важная персона в мире скачек обратила внимание на нее, бывшую тогда скромным грумом.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tn.knigapoisk.com/sheron-kendrik/otkazat-misteru-sovershenstvo-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)